

мировой или положением черного большинства в ЮАР). Духовная жизнь большинства советских да и постсоветских людей была сведена к минимуму: конкурс в Сопоте, фигурное катание и программа «Время». Хороших книг, фильмов и прочих видов культурного времяпрепровождения было по минимуму. О Боге или смысле жизни думали вообще единицы, потому что в отсутствии того и другого сомневаться было трудно (кстати, Белянчикова религиозна с молодости, и коллеги об этом если не знали, то догадывались. Иначе бы ей не вынести такого количества чужого горя — ведь больные, что говорить, часто пугают, раздражают и угнетают здоровых. Так что человеку семидесятих оставалось одно — жизнь телесная, состоящая главным образом из насморка (такова наша погода), изжоги (таков наш маргарин) и аллергии (таковы наши медикаменты). Плюс окружающая среда. Плюс мало денег. Плюс отсутствие контрацептивов. В общем, для сокращения жизни народа застой делал не меньше, чем перестройка. И над всем этим, как печальный ангел, парила доктор Белянчикова, которой было всех жалко.

«Неужели я не имею права на счастье?»

Однажды написала женщина, потерявшая ребенка. Спрашивала, можно ли было что-то для него сделать. Как тут ответить объективно? «Я хотела подойти к хирургу, который его оперировал, и даже пришла в больницу, — писала она. — И увидела, что там сидит другая мать. И подумала, что если подойду, то выбью его из колеи перед операцией, и у кого-то другого может случиться беда». Другая писала о своем горе: у нее оказался рак груди, и невестка, с которой до того были прекрасные отношения, запретила ей видеться с внуком, потому что где-то слышала, что рак заразен. Программа постаралась деликатно рассказать о раке, объяснить — и вскоре пришло второе письмо с благодарностью и фотографией женщины с крошечным внуком на руках. А третья, молодую женщину, бросил любимый муж Игорь, когда она оказалась в больнице с артритом: зрелище искалеченных пациентов так впечатлило его, что он не выдержал мысли о будущем своей жены. Она горько спрашивала: неужели я не имею права на счастье? В той передаче, где звучало ее письмо, люди с той же болезнью рассказывали о своей жизни, своих семьях, детях; потом посыпались письма от других — от тех, кто продолжал быть счастливым вопреки болезням. Все они начинались словами: «Скажите Игорю...» Еще с седьмого класса, когда мама выхаживала ее после больницы, Юлия Васильевна убеждена: больного человека нельзя оставлять одного, с ним рядом постоянно должен быть кто-то близкий, чтобы поддерживать и помогать жить, когда жить невыносимо. В одной из передач рассказывалось о судьбах восьми человек, проживших больше пятнадцати лет с онкологическими заболеваниями. У каждого из них был свой стержень, свое «во имя».

Одна женщина узнала, что у нее рак, когда ее дочери было четырнадцать лет. И смогла одна поднять ее, вырастить, увидела ее замужество; другой, узнав о раке в 22 года, дождался внуков. Через год передачу повторили и снова связались с онкологическим диспансером, узнали, что каждый из восьмерых жив, что за этот год в жизни каждого произошло что-то новое... В этом смысле кредо программы и ее ведущей не менялось: вселять веру, доказывать, что нельзя отчаиваться, потому что всегда есть что-то, ради чего жить следует. А человеку достаточно понять, что он не один такой, — глядишь, и жить захочется.

Найденные пальчики упаковывали в трехлитровую банку

Однажды на программу обрушился шквал писем: люди где-то прочитали, что в Московском институте трансплантологии разработали искусственную поджелудочную желе-

Она религиозна с молодости, и коллеги об этом если не знали, то догадывались. Иначе бы ей не вынести такого количества чужого горя.

зу. Диабетики были готовы все продать и выехать в Москву на последние деньги. Пришлось срочно делать цикл передач о диабете и рассказывать, что искусственная железа в стадии разработки. «Я не вижу ни неба, ни солнца», — писала отчаявшаяся мать ребенка-диабетика. «Надо заставить себя их видеть», — отвечала Белянчикова, — надо, чтобы показать ребенку». Юлия Васильевна считает, что в беде память обостряется, и советы, которые не относишь к себе и пропускаешь мимо ушей, всплывают в мозгу. «Спасибо вам, — написала ей мать десятилетних детей из Ставрополя, — вы спасли моего мальчика». Белянчикова и не предполагала, что неработающая, необразованная женщина, бывшая детдомовка с кучей детей не только смотрит передачу, но и что-то запоминает из нее. Эта история на сегодняшний взгляд неправдоподобна. Один из десятилетних, Рома, рубил камыши и отрубил себе два пальца. Пальцы остались в камышах, а культы мальчику обработали в Буденновске. Мать слышала, что пальцы где-то в Москве пришивают, так Белянчикова сказала по телевизору. Соседи кричали, что она сумасшедшая, а женщина ночью, с фонариком нашла пальчики, упаковала по всем правилам — в пакеты, в лед, в трехлитровую банку — и повезла сына в Москву. «Когда я их паковала, — писала она, — вы как будто все мне диктовали на ухо». После долгих мытарств в аэропорту и московских больницах пальчики все-таки пришили, и они прижились, невзирая на просроченное время. На фотографии Рома играл на гармонии. Мать благодарила всех, а Белянчикова читала письмо со жгучим стыдом: ведь в аэропорту и потом, в Москве, все задерживали эту женщину и просрочивали время! В одной из следующих передач Юлия Васильевна снова рассказывала, что делать в таких случаях, и настаивала: пропускайте в самолет, встречайте на «скорой», распространяйте информацию о том, где приживляют пальцы... Многие наверняка помнят литовскую девочку Расу, которой пришили ноги: вот тут все прошло гораздо глаже и слаженней. Белянчиковой-то дано было увидеть, «как слово наше отзовется».

Из писем становилось ясно, чем болеет советский народ. Всегда были актуальны онкология, кардиология, диабет и детские болезни. Сезонно интесировались простудными заболеваниями,

трахеитами, бронхитами, пневмониями. Спрашивали, что случилось с ведущей, когда ей делали тяжелую операцию в 81-м. Возмущались, когда передачу перенесли на субботу, завалили письмами все руководство: «Мы ведь в субботу на работе!»

После избиения в квартире она потеряла память

Белянчикова объездила всю тогда еще необъятную страну, от Белоруссии до Приморья, от больших городов до самой глуши. Снимали передачи в больницах, на судах, на атомных подлодках. В восемьдесят девятом году она перешла в журнал «Здоровье», продолжая делать одну передачу в месяц. Затем, в начале девяностых, начались перемены, несколько раз менялось название программы, пока наконец она не заглохла незаметно. Юлию Васильевну позвали на REN-TV, где была отличная команда, большие замыслы и даже договор со спонсором. В девяносто четвертом сделали

пробную передачу. Спонсор вдруг решил, что это слишком дорого, и дал задний ход. А умение объясняться со спонсорами в число ее талантов не входит. Потом Белянчикова попала в больницу с тяжелейшими травмами: ее избили. Не на улице — прямо в квартире. Обстоятельства она не помнит. Кто-то позвонил в дверь.

Она открыла сама, следов взлома не было, кому открыла, почему — стерлось начисто. Ей проломили голову в трех местах. В доме перевернули все и ничего не взяли. После реанимации долго не могла прийти в себя: полная амнезия, ничего не объяснить, не рассказать.

Вскоре после того, как Юлия Васильевна вышла из больницы, умер ее отец. Она с трудом вернулась к работе, теперь уже на московском, третьем канале в программе «Медицинское обозрение». И снова травма: машина, в которой она ехала на съемки, попала в аварию. Последствия сказываются до сих пор. Белянчикова, вероятнее всего, первая не согласится с моей версией, но я всерьез полагаю, что человек, берущий на себя такой груз чужих несчастий, за это расплачивается. Вы и сами наверняка ловили себя на том, что после общения с человеком, попавшим в беду, хочется вымыть руки, чтобы не заразиться: подлое желание, но подсознательное, древнее. А Белянчикова во всем этом жила двадцать лет, пока новые времена не потеснили ее сострадательную программу с неизменной змеей над чашей («Теща пьет чай» называлась эта заставка в народе.) Так что в ее травмах и производственных проблемах есть какая-то логика, как ни жутко это звучит. Но и аура народной любви к ней была такова, что всякий раз она, слава Богу, выкарабкивалась.

В новое «Здоровье» ее не приглашают

На московском канале она работает и сейчас. Еще ведет «Медицинский вестник» на канале «Россия». Ей по-прежнему пишут — и совсем молодые, и пенсионеры, — хотя сейчас почта неизмеримо меньше. Есть желание и надежда сделать передачу на государственном канале — но о конкретных планах она предпочитает не говорить. В новое «Здоровье» на первом канале Белянчикову не приглашали.

Муж у нее инженер, сын — врач, а жизнь — такая же, как и большинства работающих семейных женщин. Готовит, хозяйствует, помогает маме, мужу и друзьям, которым часто бывает нужна совсем не медицинская помощь. К ней по-прежнему подходят на улицах, и сейчас даже чаще, чем раньше. Теперь, правда, появился новый вопрос: сколько лечение будет стоить и где дешевле. Страждущие все так же хотят участия и все так же не берут в расчет ее собственного состояния, каждому знакомого: когда в руках многочисленных авоськи, а мысли заняты болезнями близких и служебными проблемами. В магазине недавно спрашивали, что пить от пониженного давления. Я сама с трудом удерживалась, чтобы не посоветоваться насчет мужниной непроходящей ипохондрии. Темных очков она по-прежнему не носит.

Удивительно, но факт: стране до сих пор необходим человек, который бы за нее действительно болел.

Ирина ЛУКЬЯНОВА.
Фото Сергея ЖАБИНА.

